

К критике концепции Л.Н. Гумилева

[Владимир Коренько](#)

Представляем статью ведущего научного сотрудника государственного музея Востока В. А. Коренько «К критике концепции Л.Н. Гумилева», опубликованную в 2006 году в журнале «Этнографическое обозрение». По мнению автора, эта статья актуальна и сегодня, так как среди многочисленных публикаций о Л.Н. Гумилеве одни носят характер панегирика, а другие слишком поверхностны. Предисловие автора написано специально для сайта «Генофонд.рф».

В.А. Коренько

Предисловие к статье «К критике концепции Л.Н. Гумилева»

Я благодарен редактору интернет-портала Генофонд.РФ Л.С. Клейну за любезное приглашение разместить на портале статью «К критике концепции Л.Н. Гумилева». Со времени её публикации прошло девять лет, но ссылки на неё продолжают существовать и она опубликована на нескольких сайтах. Я, как говорится, без ложной скромности считаю эту статью если не лучшей, то одной из лучших работ о Л.Н. Гумилеве — по критичности, по насыщенности фактами, по последовательности и обоснованности выводов.

В предисловии я хочу рассказать читателям о нескольких обстоятельствах.

Прежде всего — об истории предлагаемой работы. В июне 2005 года в Институте истории естествознания и техники Российской Академии наук состоялась международная конференция «Между этносом и Евразией. Идеи и влияние Л.Н. Гумилева». Я на ней присутствовал и позже опубликовал об этой конференции статью (журнал «Вестник Евразии», 2005, №3, стр. 206-213). Конференция 2005 года мне не понравилась, потому что большинство докладов или состояли из панегириков Л.Н. Гумилеву, или рассматривали вопросы несущественные, или были откровенно слабыми. Последовательно критическими и вполне ясными были, пожалуй, лишь два доклада — В.А. Шнирельмана и мой. Уже на конференции и вскоре после неё мы с В.А. Шнирельманом обсуждали сложившееся положение. Нас не устраивали ни панегирики Л.Н. Гумилеву, ни расплывчатые рассуждения «вокруг да около». Возникла идея: опубликовать в академическом журнале «Этнографическое обозрение» подборку научных критических статей о Л.Н. Гумилеве. Главная роль в воплощении этой идеи принадлежит В.А. Шнирельману, который работал и работает в Институте этнологии и антропологии РАН — именно этот институт издаёт «Этнографическое обозрение».

Подготовка статьи заняла у меня чуть ли не всю вторую половину 2005 года. Я не только перечитал все публикации Л.Н. Гумилева, но и прочитал практически все публикации о нем (а их издано внушительное количество). В результате у меня сложилось представление об Л.Н. Гумилеве, которое кажется мне окончательным — вряд ли я его изменю. Во всяком случае, не в главных моментах.

Однако писал статью я долго и тяжело. Меня одолевали сомнения: нужно ли мне писать эту принципиально критическую работу? Прежде всего: хорошо ли это — «пинать мертвого Льва»? Вопрос: насколько сам Л.Н. Гумилев виноват в своих недостатках — стремлении к эффектам, самоуверенности, небрежном обращении с фактами, неумении корректно дискутировать? Многие из этого объяснялось тем положением, в котором оказался Л.Н. Гумилев после того как лагеря отняли у него 14 лет жизни. Это было положение «опоздавшего» и по существу недоучившегося, положение особенно ужасное для ученого-гуманитария, положение неизбежно чреватое различными «комплексами» и неукротимым желанием самоутвердиться. Вспоминалось, что Анна Андреевна Ахматова, вполне ознакомившаяся после 1956 года со странностями в поведении сына, говорила: «Лёва таким не был, это его лагеря таким сделали».

Несмотря на все эти сомнения, я статью написал и сдал ее в редакцию журнала накануне 2006 года. В 2006 году в номере №3 «Этнографическое обозрение» опубликовало подборку статей о Л.Н. Гумилеве. Статьи быстро получили некоторую известность. Какое-то небольшое время я следил за реакцией на них в интернете. Поклонников Л.Н. Гумилева особенно разозлила моя статья. В словах они не стеснялись. Помню такую оценку: «Гнида вылезла из своей щели и подняла руку на Учителя». Этот разозленный или кто-то другой угрожал мне судом. Разумеется это закончилось по русской поговорке: замах рублёвый, а удар, скажем так, никакой. Ни гниду (то есть меня) никто не раздавил, ни суда не было (очевидно по причине отсутствия судебных исков).

Согласившись с предложением поместить статью на портале, я не стал её переделывать или дополнять. И не только потому, что статья объёмиста. Главная причина в том, что последовавших после 2006 года публикаций о Л.Н. Гумилеве много, но они чаще всего панегиричны, а немногие критические работы в основном поверхностны и мало что могут сказать тем читателям, которые нуждаются не в многословии, а в истине. Сошлюсь здесь на две книги, написанные о Л.Н. Гумилеве.

В 2007 году издательство «Молодая гвардия» выпустило в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей» книгу В.Н. Дёмина «Лев Гумилев». Это чисто панегирическая работа. В ней одобряется всё сказанное и написанное Л.Н. Гумилевым, а его критики удостоены не внятных ответов, а определений «злопыхатели», «фальсификаторы», «записные хулители», «откровенные русофобы» и т.п.

В 2014 году издательство «АСТ» опубликовало книгу С.С. Белякова «Гумилев сын Гумилева». Это восьмисотстраничное издание названо в издательской аннотации «самой полной биографией русского историка». Такая оценка верна — С.С. Беляков создал в общем добротную обширную компиляцию, собрав практически все биографические данные о Л.Н. Гумилеве вплоть до, казалось бы, малозначительных свидетельств, отзывов и слухов. Такое сверхобилие материалов привело к двум примечательным последствиям.

Во-первых, С.С. Белякову удалось создать очень подробный портрет Л.Н. Гумилева, причем настолько подробный, что его не назовешь панегириком — вполне различимы и положительные обаятельные черты героя, и его отрицательные малоприятные особенности, которые С.С. Беляков отнюдь не пытается затушевать.

Во-вторых, С.С. Беляков был настолько поглощен этим обилием фактов, что в какой-то степени стал «плавать в материале». Хуже того — он не сумел или не захотел занять ясную позицию по отношению ко многим проблемам, которыми пытался заниматься Л.Н. Гумилев. Наиболее показательный пример — сорокатрехстраничная часть XII, где рассматриваются определения этносов и проблемы пассионарности и пассионарных толчков — краеугольных понятий гумилевской «этнологии» или «теории этногенеза». Цитаты из Л.Н. Гумилева сводятся к тому, что этнос — «целостность различных по вкусам и способностям людей, продуктов их деятельности, традиций, географической среды», что «роль системных связей исполняет этническая традиция», а «не расовая общность, не язык, даже не культура». Но любой грамотный этнолог скажет, что эти расплывчатые, эклектичные и противоречивые словосочетания суть не определения, а какие-то пародии на научные дефиниции.

Несколько лучше с определениями пассионарности и субпассионарности. Л.Н. Гумилев ярко описал эти состояния, так что С.С. Белякову оставалось эти описания пересказать.

Совсем плохо с пассионарными толчками и их причинами. У Л.Н. Гумилева «последним словом в теории этногенеза» была попытка найти внеземной, «космический» фактор пассионарных толчков. Анализ ситуации — в моей статье, которую С.С. Беляков, к сожалению, «не заметил». Ключевой эпизод здесь — взаимоотношения Л.Н. Гумилева с генетиком Н.В. Тимофеевым-Ресовским. С.С. Белякову известна даже «таблица разногласий между ними», но он не дал себе никакого труда в этих разногласиях разобраться. Несостоявшееся соавторство между Л.Н. Гумилевым и Н.В. Тимофеевым-Ресовским С.С. Беляков умудрился объяснить их тяжелыми характерами. Н.В. Тимофеева-Ресовского он представил «упрямым и авторитарным», хотя и признает, что тот «к тому же терпеть не мог нечетких, научно не обоснованных концепций». Вот тут то и призадуматься бы о «нечеткости» и «отсутствии научной обоснованности» в текстах Л.Н. Гумилева. Но то ли С.С. Белякову это не интересно, то ли он попросту не может разобраться с «пассионарными толчками» и их «космическим фактором». Эти и подобные прорехи составляют серьезнейший недостаток книги С.С. Белякова, хотя как биография она читается с интересом и говорит о большом трудолюбии автора.

И последнее — о причинах популярности сочинений Л.Н. Гумилева, наблюдаемой и сегодня (правда, есть мнения о том, что популярность снизилась). На мой взгляд, у этой популярности две основных причины.

Первая причина — снижение интеллектуального уровня читательской аудитории. При огромном росте количества публикаций довлеет дилетантизм: людей все меньше интересует проблемы методологии и доказательности, изучение сложных феноменов часто заменяется словоблудием и наукообразными терминами.

Вторая причина — заметно усилились позиции и выросла активность провинциальной этноцентрической историографии (в России, особенно на Кавказе, в тюркоязычных и монголоязычных регионах). Сочинения Л.Н. Гумилева здесь и сейчас — выигрывающая альтернатива серьезной академической науке.

К критике концепции Л.Н. Гумилева

Введение

Почти треть столетия для значительной части образованной российской аудитории Лев Николаевич Гумилев — тот автор, которого раньше было принято называть «властителем дум», а в наши дни — «культовой фигурой».

Интересно, что в различные периоды новейшей истории Л.Н. Гумилев был популярен в совершенно разных сегментах общества. В годы «перестройки» и агонии СССР он пользовался большой симпатией у интеллигенции, поддерживавшей антикоммунистические и либеральные лозунги. И это понятно, потому что в те годы Л.Н. Гумилев представлялся прежде всего жертвой тоталитарного режима. Его крупные историософские сочинения до второй половины 1980-х годов не

публиковались нормальным способом; они были альтернативой и вызовом официальным дисциплинам — марксистско-ленинской социологии («историческому материализму»), историографии и этнографии.

После кончины Л.Н. Гумилева и вхождения ельцинского режима в фазу кризиса, когда в общественном сознании либеральные идеи были заметно потеснены шовинистическими и изоляционистскими настроениями, многое из наследия Л.Н. Гумилева обрело новую и широкую популярность в «национал-патриотическом» сегменте российской идейной жизни.

Статус Л.Н. Гумилева как «культовой фигуры» и парадоксальная способность его произведений приобретать одинаковую популярность то у антикоммунистов 1980-х годов, то у национал-коммунистов начала XXI в. привели к тому, что в России критиков Л.Н. Гумилева гораздо меньше, чем его почитателей.

Западноевропейская и американская научная литература дает прямо противоположную картину. Поскольку в серьезных университетах и иных научных центрах преобладают сторонники идей либерализма, либертарианства и политической корректности, сочувствующих взглядам Л.Н. Гумилева здесь практически нет. Большинству представителей западной академической среды он мало интересен (Померанц 1990: 189, 191—192). Для этого большинства Гумилев — лишь экзотическая фигура с прочно наклеенными ярлыками «примордиалиста», «русского националиста» и даже «расиста». Известные мне критические анализы взглядов Л.Н. Гумилева немногочисленны. И.М. Брудни в объемистой книге уделяет Льву Николаевичу несколько страниц, давая обзор хорошо известных фактов и останавливаясь в основном на роли ученого в активизации в 1970-е—1980-е годы тюркофильской и шовинистической публицистики (Brudny 1998: 172, 186—190, 312—314). Более существенны публикации М. Ларюэль, часть которых вышла и на русском языке. Французскую исследовательницу пока интересуют в основном соотносимость идей Л.Н. Гумилева с евразийством 1920-х—1930-х годов, а также неоевразийские идеи, распространившиеся в современной России и отчасти вдохновленные Л.Н. Гумилевым (Ларюэль 2000: 5—6, 12—13; 2001: 5—19; Laruelle 2000: 163—190; 2001: 449—459).

В отличие от Запада, в России критики Л.Н. Гумилева имеют значительно меньше веса в общественном сознании, чем его апологеты и эпигоны, тем не менее определенный опыт критики этого ученого в российской научной литературе и публицистике имеется. Попытку анализа этого опыта и представляет настоящая статья. В какой-то мере она продолжает мою более раннюю публикацию (Коренько 2000: 39—44).

Небольшой объем статьи заставляет меня отказаться от анализа чисто публицистической критики Л.Н. Гумилева и сосредоточиться на академической критике его взглядов. Под академической критикой я подразумеваю работы профессиональных исследователей независимо от того, опубликованы они в академических или в популярных изданиях.

По этой же причине автор вынужден отказаться от рассмотрения некоторых важных направлений критики Л.Н. Гумилева. Кроме того, я воздержусь от анализа евразийских или неоевразийских идей Гумилева — на эту тему уже опубликованы работы других авторов (Кузьмин 2005: 11—12, 44, 57, 73—76, 79, 177—178, 239—241, 270, 310—314; Ларюэль 2000: 5—6, 12—13; 2001: 5—19; Тишков 2005: 23—24; Шнирельман 2004: 103—122; Шнирельман, Панарин 2000: 21; Янов 1992: 105—106).